

12+

Мария Семкина

На шаг выше

Мария Семкина

На шаг выше

«Издательские решения»

Семкина М.

На шаг выше / М. Семкина — «Издательские решения»,

Книга о том, что не всегда шаг выше — это подняться на один шаг больше, чем можешь в материальном плане, а иногда это попытаться разобраться в себе и сделать пробный шаг в нематериальных ценностях — в любви, дружбе и отношениях.

© Семкина М.

© Издательские решения

Содержание

На ступеньку выше...	6
Дима, дай хлеба!	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

На шаг выше

Мария Семкина

© Мария Семкина, 2026

ISBN 978-5-0070-5757-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На ступеньку выше...

Психологи и коучи учат в книжках как сейчас можно попробовать жизнь на один шаг выше чем можешь себе позволить. Попробовала и прошла по подписке известного банка в бизнеса зал Сочи... а тут все с такой же подпиской и рейсы еще задержали... ощущение что ты не в бизнес-зале, а в столовой в санатории от ФСС

Огляделась. Да, бизнес-зал. Да, по подписке. Но ощущение, будто попала в столовую санатория от ФСС: пластиковые стулья, буфет с бутербродами «как в детстве у бабушки» (колбаса подозрительно блестит, сыр подозрительно жёлтый), и атмосфера всеобщего ожидания — будто не рейс задержали, а объявили всеобщий выходной без права вернуться к делам.

Рядом мужчина в дорогом костюме сосредоточенно режет лимон на дольки и раскладывает их по чашкам — видимо, создаёт систему заваривания идеального чая. Две девушки листают соцсети и периодически вздыхают: «Ну когда уже?..» Позади кто-то громко обсуждает курс доллара так, будто это прогноз погоды на ближайшие десять лет.

Я села у окна, открыла ноутбук — хотела поработать, «раз уж время есть», — но экран будто дразнил пустыми документами и недописанными планами. «Жизнь на шаг выше», — мысленно усмехнулась я. — «Ага, шаг выше — это бутерброд с колбасой за три тысячи рублей в месяц по подписке».

Вдруг рядом кто-то сел. Пожилая женщина с аккуратной причёской и в стильном пальто. Улыбнулась:

— Первый раз в бизнес-зале по подписке?

Я кивнула.

— По подписке, — призналась. — Думала, будет... как в кино. Шампанское, кожаные диваны, шёпот успешных сделок. А тут...

— А тут реальность, — мягко закончила она. — Но знаете что? Реальность — это и есть тот самый шаг вверх. Не иллюзия, не картинка из рекламы, а возможность остановиться, осмотреться и решить: что на самом деле для меня «шаг вверх»?

Она отпила воды из стакана.

— Я двадцать лет поднималась по карьерной лестнице, — продолжила она. — Офис с видом на город, личный ассистент, бизнес-залы по всему миру. И однажды поняла: всё это — просто декорации. А счастье — в том, чтобы лететь не ради статуса, а куда хочется. Чтобы выбирать не «что положено по подписке», а «что по душе».

Я задумалась. А ведь правда: я так старалась «подняться на ступеньку выше», что забыла спросить себя — а куда вообще я поднимаюсь? И зачем?

— Так что, — подмигнула женщина, — давайте считать это не разочарованием, а инсайтом. Рейс задерживают? Отлично — есть время придумать новый план. Бутерброд невкусный? Зато можно выйти на террасу и посмотреть на самолёты. А если очень повезёт — найти компанию для прогулки вдоль взлётной полосы.

Я рассмеялась. Встала, закрыла ноутбук.

— Знаете, — сказала я, — а давайте так и сделаем. Прогуляемся?

Мы вышли на открытую террасу. Ветер пахнул морем, вдали сверкали огни Сочи, а над головой проплывал розовый закат. Где-то объявили начало посадки — но нам пока было не туда. Нам было — сюда. В этот момент. В эту свободу. В этот настоящий шаг вверх — не по подписке, а по собственному выбору.

Мы стояли на террасе аэропорта, любовались закатом, а в голове всё крутилась мысль: «А что, если шаг вверх — это вовсе не про бизнес-залы и заграничные курорты?»

— Знаете, — сказала я женщине, — а я, пожалуй, отменю этот рейс.

Она удивлённо приподняла бровь: — Отмените?

— Да. Поеду домой, соберу вещи и отправлюсь в родной город. Там у меня друг живёт за городом — у него огород, яблони, речка неподалёку. Он всё звал приехать, помочь с посадками, просто подышать настоящим воздухом. А я всё откладывала — мол, некогда, надо «развиваться», «расти над собой»...

Женщина улыбнулась: — И правильно. Иногда «рост» — это как раз возвращение к корням. В прямом и переносном смысле.

На следующий день я уже ехала в поезде. За окном мелькали знакомые с детства пейзажи: берёзовые рощи, поля, небольшие станции с красными крышами. Сердце почему-то билось чаще — будто я не просто возвращалась в город своего детства, а готовилась к чему-то важному.

Друг встретил меня на вокзале с широкой улыбкой и корзиной ранних яблок: — Ну наконец-то! А то я уже думал, что ты так и будешь всю жизнь по бизнес-залам летать.

Мы отправились к нему на участок. Я сняла туфли, надела резиновые сапоги, которые он мне протянул, и впервые за много лет ощутила под ногами мягкую, влажную землю.

— С чего начнём? — спросила я, беря в руки тяпку. — С картошки, — подмигнул друг. — Рядок посадим, потом смородину подправим, а вечером — баня и уха из речной рыбы. Договорились?

И я вдруг поняла, что это и есть тот самый «шаг вверх». Не подписка на бизнес-зал, а ощущение земли под ногами. Не шампанское в аэропорту, а запах свежескошенной травы и дыма от костра. Не разговоры о курсах валют, а тишина у реки на закате, когда слышишь только плеск воды и крик улетающих птиц.

Вечером, сидя у костра, я смотрела на искры, улетающие в тёмное небо, и думала: как же просто, оказывается, стать счастливее. Не надо лететь за тридевять земель — достаточно просто вернуться туда, где тебя ждут. Где можно повозиться в огороде, собрать букет полевых цветов, сварить варенье из бабушкиных рецептов. Где время течёт по-другому — не по минутам и дедлайнам, а по солнцу и сезонам.

Друг протянул мне кружку с чаем: — Ну что, «поднялась» на ступеньку выше? Я рассмеялась и сделала глоток: — Да. И это лучшая ступенька из всех, что я пробовала.

Я окончательно перебралась в родной город. Дом с участком, который я купила, стоял на окраине — рядом лес, в пяти минутах ходьбы пруд, а за садом начиналась живописная набережная. Первое, что мы с другом решили сделать, — разбить теплицы.

Весной высадили клубнику ранних сортов — аккуратные кустики с ярко-зелёными листьями. Потом взялись за огурцы и помидоры: выбрали несколько сортов — одни для засолки, другие для салатов, третьи — сладкие черри для детей. А в дальнем углу участка посадили черешню: три саженца, которые должны были через пару лет дать первый урожай.

Работа в саду стала моим ритуалом. Каждое утро начиналось с обхода грядок: проверить, как растут огурцы, не появилась ли тля на смородине, достаточно ли влаги у клубники. Полив, прополка, подкормка — всё это оказалось не рутиной, а медитацией.

Земля, солнце, запах влажной почвы и первых цветов — всё напоминало, что я на своём месте.

По вечерам мы с другом и его семьёй катались на велосипедах к пруду. Дорога шла через поле, где цвели ромашки и васильки, мимо старого дуба, под которым когда-то играли в детстве. У воды останавливались, слушали кваканье лягушек, наблюдали за утками. А потом возвращались домой, уставшие, но счастливые, и пили чай с мятой и мелиссой, собранной на участке.

Однажды за чаем друг задумчиво посмотрел на сад и сказал: — А что, если открыть свой магазин? Не просто продавать излишки урожая, а создать место, где люди смогут купить рассаду, саженцы, семена, удобрения... И ещё консультации давать — как ухаживать, когда сажать, как бороться с вредителями.

Идея зацепила. Мы начали планировать: выделили часть участка под питомник, заказали редкие сорта растений, составили календарь посадок и продаж. Друг взялся за строительство небольшого павильона у дороги, я — за рекламу в соцсетях и общение с покупателями.

Через полгода наш магазин «Родные грядки» открылся. Первые клиенты — соседи, знакомые, дачники из ближайших сёл. Мы предлагали не просто растения, а истории: вот эта клубника — сладкая, как детство, эти помидоры — урожайные, проверенные годами, а черешня — та самая, что растёт в нашем саду.

Люди приходили не только за рассадой, но и за советом. Бабушки спрашивали, почему желтеют листья у огурцов, молодые семьи выбирали саженцы для своего первого огорода, дети с восторгом разглядывали яркие цветы. Мы делились опытом, показывали, как правильно сажать, давали пробники семян и угощали чаем с мятой.

Однажды пожилая женщина, купив несколько кустов клубники, задержалась у прилавка: — Спасибо вам, — сказала она. — Так приятно, что есть место, где не просто продают, а по-доброму относятся. Сразу вспоминаешь, как бабушка в деревне учила меня огородничать...

Вечером, закрывая павильон, я оглянулась на сад. Клубника уже давала первые ягоды, огурцы висели пучками, помидоры наливались цветом, а черешня шелестела листьями на ветру. Друг поставил на стол чайник, разлил чай.

— Ну что, — спросил он, — счастье — это что?

Я посмотрела на сад, на магазин, на пруд вдалеке, на людей, которые ещё заходили к нам за советом, и улыбнулась: — Счастье — это когда ты делаешь то, что любишь, с теми, кто тебе дорог. Когда земля под ногами — родная, воздух — чистый, а чай — с мятой с собственного участка. Когда ты не гонишься за иллюзиями, а создаёшь что-то настоящее. И когда можешь поделиться этим с другими.

Друг поднял чашку: — За счастье. Настоящее.

Мы чокнулись чашками, и где-то в глубине сада зацвела первая клубника — маленькая, красная, сладкая, как сама жизнь.

Мы с другом — а теперь уже и соседом, и партнёром по делу — всё больше привыкали к совместной жизни. Оказалось, что делить быт так же естественно, как когда-то делить секреты на лавочке у его дома в детстве.

Он и правда всегда нравился многим: открытый, с заразительным смехом, умеющий поддержать в трудную минуту. Девушки засматривались на него ещё в школе, потом в институте, потом в столице... Но он так ни на ком и не остановился — не из-за легкомыслия, а будто искал что-то настоящее, неподдельное. И, кажется, нашёл — здесь, в родном городе, рядом со мной.

Как-то вечером, когда мы сидели на крыльце и смотрели, как солнце опускается за лес, я спросила: — Почему ты всё-таки бросил работу в столице? Карьера, деньги, возможности...

Он помолчал, покрутил в руках чашку с чаем, потом ответил: — Понимаешь, там всё было как на конвейере: встречи, дедлайны, видимость успеха. А я вдруг осознал, что не помню, когда в последний раз дышал полной грудью. Не в пробке, не в офисе, а просто — стоял и вдыхал запах травы после дождя. И понял: если не вернусь сейчас, то, может, никогда уже не вернусь.

Я кивнула. Сама прошла похожий путь — только чуть позже.

— А мы... — я замялась, подбирая слова. — Мы решили не жениться. Но это не потому, что нам всё равно. Наоборот.

— Да, — подхватил он. — Самые крепкие отношения — те, что пронесены через годы. Без штампов, без обязательств «по правилам». Просто потому, что мы нужны друг другу. Что хотим вместе сажать клубнику, открывать магазин, встречать рассветы и закаты. Что нам хорошо — вот так, как есть.

Весной мы расширили теплицы, добавили новые сорта клубники и томатов, посадили целую грядку ароматных трав — базилик, тимьян, розмарин. В «Родных грядках» появились не только саженцы, но и наборы для домашнего огорода: мини-теплицы, грунт, удобрения, инструкции. Мы начали проводить мастер-классы для детей и взрослых — учили, как вырастить свой первый огурец или укроп на подоконнике.

Однажды к нам пришла семья с двумя детьми. Мальчик лет восьми с восторгом разглядывал рассаду, а девочка постарше спросила: — А можно нам тоже что-нибудь посадить?

Мы выделили им небольшой участок у забора, показали, как сеять редиску и салат. Через несколько недель они прибежали каждый день проверять, не проросли ли семена. А когда появились первые ростки, мальчик закричал: — Мама, мы сами это сделали! Мы вырастили!

Его восторг был таким искренним, что мы с другом переглянулись и рассмеялись.

— Вот оно, счастье, — тихо сказал он. — Видеть, как загораются глаза у других. Помогать им найти то, что нашли мы.

По вечерам, когда магазин закрывался, мы шли гулять вдоль набережной. Иногда брали велосипеды, иногда просто шли пешком, держась за руки. Разговаривали о планах — открыть небольшую кафешку с травяными чаями и домашней выпечкой, устроить фестиваль садоводов в городе, создать клуб любителей огорода.

Как-то раз, сидя у костра на краю участка, он взял меня за руку: — Знаешь, я раньше думал, что успех — это карьера, статус, деньги. А теперь понимаю: успех — это когда утром хочется встать, выйти в сад, увидеть, как растут твои растения, встретить покупателей, которые улыбаются тебе, и знать, что вечером тебя ждёт человек, с которым можно помолчать у огня.

Я придвинулась ближе: — И не надо никуда лететь, чтобы это почувствовать.

Он улыбнулся: — Да. Всё самое важное — здесь. Под этим небом, на этой земле, рядом с тобой.

Над садом кружили светлячки, где-то вдалеке кричали ночные птицы, а в теплицах наливались соком первые ягоды клубники — красные, сладкие, как обещание долгой и счастливой жизни.

Как-то раз, когда мы раскладывали на прилавке свежие пучки мяты и мелиссы — ароматные, с капельками росы, — я вдруг улыбнулась и сказала:

— Помнишь, как ты мечтал улететь во Вьетнам? Навсегда. Говорил, что там море, пальмы, свобода...

Он замер, держа в руках ящик с рассадой базилика, и рассмеялся: — Помню, конечно. Ещё говорил, что куплю домик у воды, буду есть экзотические фрукты и учить местных детей играть в футбол.

— И что же помешало? — поддразнила я.

Он поставил ящик на стол, вытер руки о фартук и посмотрел на меня: — Помешало... или помогло? Наверное, помогло то, что я понял: свобода — она не в расстоянии от дома. Она в том, чтобы делать то, что любишь, с теми, кто дорог.

Я оглянулась вокруг. Наш магазин «Родные грядки» уже стал местом, куда люди приходили не только за рассадой, но и за настроением. У входа висели корзины с клубникой первого урожая, на полках стояли горшочки с пряными травами, а вдоль стены — саженцы молодых яблонь и груш.

— Знаешь, — продолжила я, — тогда, в столице, тебе казалось, что счастье где-то далеко. А сейчас оно вот оно: друзья, магазин, пляж летом и родная Волга.

Он кивнул и задумчиво посмотрел в сторону реки — оттуда доносился гул парома и крики чаек.

— Волга... — протянул он. — Я ведь в детстве здесь купался каждое лето. Потом забыл про это — карьера, амбиции, гонка. А теперь снова хожу на пляж, вёсла в руки взял, лодку отремонтировал. И чувствую себя... цельным.

Лето выдалось тёплым. Мы с ним по очереди дежурили в магазине, а в свободные часы звали друзей на пикники у Волги. Разводили костёр на песчаном берегу, жарили рыбу, которую ловили утром, запекали в углях картофель и помидоры со своего огорода.

Однажды к нам присоединилась семья с детьми — те самые, что когда-то сажали редиску. Мальчик гордо показал нам свой дневник: — Мы на уроке рассказывали, что выращивали овощи! И учительница сказала, что это очень круто!

Мы с другом переглянулись и рассмеялись.

— Видишь? — шепнула я. — Мы не просто магазин открыли. Мы заразили людей любовью к земле.

— А ещё — радостью простых вещей, — добавил он. — Костёр, река, друзья, ужин, который ты приготовил сам из того, что вырастил своими руками.

По вечерам, когда жара спадала, мы катались на велосипедах вдоль набережной. Ветер развеивал волосы, впереди виднелись огни города, а за спиной — закат, окрашивающий Волгу в розовые и золотые тона.

Как-то раз мы остановились у старого причала. Он прислонил велосипед к перилам, подошёл ко мне и обнял за плечи.

— Я вот о чём думаю, — тихо сказал он. — Тогда, когда я мечтал о Вьетнаме, я искал не страну. Я искал ощущение дома. Дома, где спокойно, где тебя понимают, где ты можешь быть собой. И нашёл его здесь. С тобой. В этом городе. На этой земле.

Я прижалась к нему: — И знаешь что? Вьетнам никуда не денется. Если вдруг захочется пальм и моря — съездим в отпуск. Но возвращаться будем сюда. К нашему саду, магазину, друзьям, реке.

Он улыбнулся: — Точно. Потому что дом — это не место на карте. Это люди и чувства. Это грядки с клубникой, запах мяты на веранде, смех друзей у костра и Волга, которая течёт здесь тысячи лет — и будет течь ещё столько же.

Мы стояли и смотрели на воду. Где-то вдали прогудел теплоход, на берегу заиграла гитара, а над головой раскинулось бескрайнее летнее небо — такое же родное, как этот город, как эта земля, как наша жизнь, которую мы построили сами.

Дима, дай хлеба!

Мой сосед очень увлекался женским полом. Да и внешность позволяла. И все с рук ему сходило. Бывало идет с Таней утром, а вечером Майнчке назначает свидание. Но тут чуйка немного подвела. Красивая миниатюрная Катя, жила рядом, часто оставалась с ночевкой, если не сказать жила. Взбаломашенная, привыкшая ни в чем себе не отказывать, тем более, что и внешность и приданное позволяли делать это. А тут ее забыли, не звонили, не звали в гости. У Димы появилась новая любовь-загадочная, белокурая Мила. И сосед, общий друг, тихонько шепнул Кате, что Дима не просто так дверь не открыл, там Мила. Катя не по вышла, что ее бросают. Приехала на красной машинке, с красивоизогнутыми под ретро боками. Вышла вся такая воздушная. Кричит в окно, как в детстве: -Дима! Открой, я приехала. Молчание. Только соседи стали выходить на балконы смотреть кто это орет. И тогда Катя, не выдержала и кричит: -Дима, дай хлеба! Есть хочу. Тишина. И тогда соседи не выдержали и стали сами орать: Дима дай хлеба! Накорми девушку. Ты что же ее за дверь без куска хлеба... Дима, вышел, недовольный. Из-за плеча выглядывает Мила. Катя расхохоталась и села в машину и уехала. Испортила свидание...

После того случая с хлебом на весь квартал только и разговоров было. Бабушки у подъезда качали головами: мол, молодёжь нынче не та, страсти кипят, как в сериале. А молодёжь только фыркала да улыбалась — ну а что, зато не скучно.

Дима тогда стоял на пороге, красный как помидор, с этим нелепым куском хлеба в руке, и даже сказать ничего не мог. Мила за его плечом тихо хихикала, прикрывая рот ладонью, а потом вдруг шагнула вперед и спокойно так сказала:

— Давай я ей сама этот хлеб отнесу. А то она там в машине сидит, наверное, обижается.

Дима только глазами хлопал: — Ты... что? Зачем?

— Затем, что она живая, она кричит, она злится, значит, ей больно. А мы тут стоим, как два истукана. Дай сюда.

И забрала хлеб. Пошла к красной машинке, постучала в стекло. Катя сначала не хотела открывать, отвернулась, но потом щёлкнула замком.

— На, — сказала Мила, протягивая хлеб. — Он, конечно, не самый свежий, но зато честно. И знаешь, он не хотел тебя обидеть. Просто... запутался.

Катя посмотрела на неё долго, внимательно, будто пыталась разглядеть подвох. А потом вдруг рассмеялась — звонко, по-настоящему, без злости:

— Да я и не голодная была. Просто хотела, чтобы он вышел. Чтобы понял, что я тут. Что я есть.

Мила села на пассажирское сиденье, и они ещё минут десять болтали — про ерунду, про лето, про то, как в детстве кричали друг другу из окон. Когда они вернулись к подъезду, Дима уже не знал, куда себя деть: то ли извиняться, то ли оправдываться, то ли просто обнять обеих и сказать: «Девчонки, ну хватит уже».

А потом как-то само собой всё устаканилось. Катя перестала приезжать на красной машине с криками, но зато стала заходить просто так — поболтать, взять пучок укропа из нашего огорода, посидеть на веранде с чаем. И с Милой они неожиданно подружились — оказалось, что у них куча общего: любовь к старым фильмам, к пирогам с вишней и к тому, чтобы спорить до хрипоты о пустяках.

Однажды вечером, когда мы все сидели у костра на берегу Волги, Катя вдруг сказала:

— Знаешь, Дима, ты тогда меня здорово разозлил. Но знаешь, что самое смешное? Если бы ты тогда сразу всё честно сказал, я бы, наверное, просто развернулась и ушла. А этот твой хлеб... он как будто дверь приоткрыл. Не для нас с тобой, а для чего-то другого. Для дружбы.

Дима помолчал, подбросил в костёр ветку, посмотрел на огонь:

— Я ведь и правда не хотел никого обидеть. Просто думал, что если не скажу ничего, то как-нибудь само рассосётся. А оно не рассасывается. Оно только громче кричит. Как ты тогда: «Дима, дай хлеба!»

Мы все рассмеялись. Даже Дима.

С тех пор у нас появилась традиция: если кто-то из нас чувствует, что запутался, что не знает, как сказать важное, — мы просто идём к реке. Садимся на песок, смотрим, как вода уносит всё лишнее, и говорим. Без пафоса, без красивых слов. Просто честно.

А магазин «Родные грядки» стал чем-то вроде местного клуба. Сюда приходили не только за рассадой, но и за советом, за поддержкой, за тем, чтобы просто посидеть на лавочке в тени яблонь и послушать, как жужжат пчёлы. И если кто-то заходил грустный, мы обязательно предлагали чашку чая с мятой и кусочек хлеба — свежего, тёплого, только из печи.

Как-то раз Катя, раскладывая на прилавке горшочки с лавандой, сказала:

— Знаешь, я раньше думала, что счастье — это когда тебя выбирают. Когда ради тебя бросают всё и бегут навстречу. А теперь понимаю: счастье — это когда рядом есть люди, которые знают про тебя всё: и про то, что ты можешь вспыхнуть из-за пустяка, и про то, что тебе иногда просто хочется, чтобы кто-то крикнул из окна: «Катя, выходи, чай готов!» И всё равно остаются.

Я посмотрела на Диму, который в этот момент помогал кому-то выбрать семена огурцов, и улыбнулась. Он поймал мой взгляд, подмигнул и вернулся к разговору.

Да, он когда-то мечтал улететь во Вьетнам. И Катя жила так, будто весь мир должен крутиться вокруг неё. И Мила была тихой загадкой. Но жизнь оказалась хитрее любых планов. Она свела их всех здесь, у Волги, среди грядок с клубникой и корзин с травами, и показала, что самое настоящее счастье — не в побеге от себя, а в умении остаться.

Остаться и построить что-то своё — не идеальное, но живое, тёплое, настоящее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.